

Белоснежный шёлк скрывал гладкую кожу, в красном свете свечей над пологом витал тонкий аромат. Молодой гвардеец Юйлин с детства упражнялся с мечом и ни дня не позволял себе лениться. Теперь, когда верхняя часть его тела была обнажена, под кожей отчётливо проступали упругие мышцы. Под длинной шеей красиво выделялись ключицы, и всё это выглядело на удивление... аппетитно. Се Жун некоторое время молча рассматривал его, затем достал из шкафа длинную плоскую шкатулку из чёрного лака. Внутри ровными рядами лежали серебряные иглы — каждая длиннее и тоньше, словно коровий волос. В отблесках свечей они мерцали, будто ледяные нити. Он вынул одну, тщательно прокалил над жаровней, после чего двумя пальцами левой руки медленно провёл по груди Лу Шэна и вонзил иглу прямо в область сердца. Игла вошла почти полностью.

Лу Шэн спал, лишь слегка нахмутив брови. Се Жун успокаивающе провёл ладонью по его волосам, и молодой человек снова расслабился. Подождав немного, Се Жун вытащил иглу. По тонкому металлу скатились две алые капли крови — по одной в каждый прозрачный хрустальный флакон. Всего две капли — но прежде полный сил Лу Шэн сразу заметно побледнел. Се Жун достал из-за пазухи маленькую коробочку из зелёного нефрита. Внутри лежала единственная голубовато-зелёная пилюля размером с соевый боб. Стоило открыть крышку, как комнату наполнил слабый свежий аромат, от одного запаха которого прояснялась голова. Се Жун разжал Лу Шэну зубы и положил пилюлю ему в рот. Она растаяла мгновенно и вместе с произвольным глотком полностью ушла внутрь.

Почувствовав сладкий вкус, Лу Шэн во сне провёл языком по губам. Пересохшие губы увлажнились, будто каплю киновари растворили водой, и приобрели особенно яркий красноватый оттенок. Се Жун всё ещё держал его за подбородок. Его взгляд долго скользил между губами и линией челюсти. Наконец он отпустил молодого человека, запахнул нижнюю одежду, привёл всё в порядок, а потом снял с него верхний халат и тщательно укрыл одеялом. Лишь после этого он собрал иглы и два флакона и вышел из комнаты. У двери ждали две служанки. Се Жун велел им присмотреть за гостем, а сам вернулся в кабинет и прошёл в тайную комнату. Там стоял даос в тёмно-красной рясе и, заложив руки за спину, рассматривал картину на стене. Услышав шаги, он заметил:

— Господин Цяньшань славится и каллиграфией, и живописью, однако раньше в его картинах было слишком много холодной отрешённости и остроты, будто совсем не оставалось человеческого тепла. Теперь же они стали мягче.

Картина называлась «Луна над белыми камышами». Под половиной ущербной луны тянулась отмель Байшачжоу, а несколько кустов камыша стояли в полном цвету, роняя белые метёлки, словно снежный пух. Всё на картине дышало одиночеством и чистотой. Но внизу, под камышами, художник добавил двух диких уток, уснувших, прижавшись шеями друг к другу. И холодный пейзаж сразу приобрёл тихое, домашнее умиротворение. Се Жун ответил:

— Когда я писал её, кое-кто прислал мне двух жареных уток. Вот и захотелось добавить.

Даос рассмеялся:

— Кто же это додумался специально послать тебе двух жареных уток...

Он не договорил: увидев флаконы в руке Се Жуна, сразу оживился, несколькими шагами подошёл ближе и осторожно принял их обеими руками. В прозрачном хрустале ярко алела кровь.

— Ради такого количества лекарственного материала пришлось потратить целую пиллюлю «Тысяча золотых — питающая славу». Даже не знаю, выгодная ли получилась сделка.

Се Жун передал ему пустую нефритовую коробочку.

— Наставник умеет смотреть на общую картину и не позволит мелкой сегодняшней выгоде затмить будущую пользу.

Даос открыл крышку, с явной тоской вдохнул оставшийся аромат и только потом убрал коробочку.

— Легко быть щедрым чужим добром. Я больше трёх месяцев собирал и готовил всего три таких пиллюли. Одну отдал князю, одну принял сам, а последнюю ты без колебаний скормил постороннему человеку. Захочу приготовить ещё — одному Небу известно, сколько времени и сил уйдёт на сбор трав.

Се Жун сложил руки в почтительном приветствии и серьёзно произнёс:

— Когда придёт время открыть мавзолей Жёлтого императора, первая заслуга по праву будет принадлежать наставнику.

Даос замолчал, а затем тяжело вздохнул.

— Жосюй, я сам привёл тебя на эту дорогу и теперь не знаю, счастье это или беда. Только потом не вини меня.

Се Жун поднял глаза и медленно улыбнулся.

— Счастье и бедствие следуют друг за другом. Всё это карма самого ученика. Наставник спас мне жизнь и тем подарил её заново. Как я могу винить вас?

— Язык у тебя гладкий, говорить умеешь. Если ты такой разумный, почему не возвращаешься домой? Новый год уже близко, все семьи собираются вместе. Отец скучает по тебе...

Улыбка Се Жуна не исчезла, но он опустил глаза, скрывая мгновенно похолодевший взгляд.

— Что он снова дал наставнику, чтобы вы пришли уговаривать меня?

Даос вспыхнул:

— Что значит «он»?! Это твой отец!

— Если наставник так говорит, ученик не смеет спорить.

Даос открыл рот, но, глядя на безукоризненно почтительного молодого человека, не нашёл слов. Через долгое время он лишь вздохнул:

— Колючка ты. Ладно. Ваши семейные обиды меня не касаются. Не вмешиваюсь! Не вмешиваюсь!

Продолжая ворчать себе под нос, он взмахнул рукавом и вышел из тайной комнаты.

Лу Шэн резко проснулся. Кругом всё ещё стояла глубокая ночь. Из внешней комнаты слышался тихий шорох, затем внутрь вошла служанка с подсвечником. В свете свечи он узнал знакомое лицо.

— Молодой господин Лу проснулся.

За ней вошла девушка в оранжевой юбке с подносом и подала горячий чай. Лу Шэн страшно хотел пить, поэтому сел и осушил половину чашки. Почти сразу голова прояснилась, тело наполнилось силами, а от похмелья не осталось и следа. Он вернул чашку и начал:

— Благодарю, госпожа...

Девушка улыбнулась:

— Эту служанку зовут Жоцин, а это Жошуан. Хозяин велел нам прислуживать молодому господину Лу.

Первая была миловидной, вторая — яркой красавицей, Жося — величавой, Жоде — живой и очаровательной. Четыре служанки Се Жуна, каждая хороша по-своему. Вот уж кому действительно везло с женским обществом. Почему-то от этой мысли Лу Шэну стало немного неприятно.

— Спасибо. Который сейчас час? Се Жун... уже спит?

— Только начался час Инь. Наш хозяин ещё не ложился. Он в заднем дворе, в Павильоне

Небесного Ремесла.

Лу Шэн насторожился.

— Что это за место?

— Там хозяин мастерит цини и куёт мечи.

Тут Лу Шэн заметил, что его меча рядом нет. Он сразу отбросил одеяло. Жошуан поспешно принесла верхнюю одежду. Лу Шэн нерешительно спросил:

— А мне... можно туда?

Девушки одновременно улыбнулись:

— Если молодой господин Лу хочет пойти — конечно, можно.

Ему показалось, что в их голосах таится какой-то скрытый смысл, но придраться было не к чему. Он быстро умылся и привёл себя в порядок. В сопровождении слуги прошёл через дворы и галереи, миновал девятиарочный мост, а затем ещё с половину времени, нужного, чтобы выпить чашку чая, шёл по каменной дорожке. Впереди показались три больших деревянных строения. В левом окне горел яркий огонь. У дороги дежурил высокий слуга.

— Молодой господин Лу пришёл к хозяину? Подождите немного, я доложу.

Увидев, как строго охраняется это место, Лу Шэн понял, что посторонних сюда обычно не пускают.

— Если неудобно, я могу подождать в переднем дворе...

— Удобно, удобно! Прошу немного подождать!

Но не успел тот даже сделать шаг, как дверь мастерской распахнулась и оттуда выбежал другой слуга.

— Молодой господин Лу прибыл? Хозяин просит войти.

«И правда всё знает заранее», — подумал Лу Шэн, чувствуя лёгкое раздражение. Когда-нибудь он обязательно застанет Се Жуна врасплох.

Стоило войти, как в лицо ударила волна жара. Из глубины помещения доносился оглушительный металлический звон, но снаружи почему-то не было слышно ни звука. В углу стояла огромная каменная печь, соединённая с мехами и дымоходом. У стены высились горы древесного угля, напротив стоял чан с водой почти по пояс человеку. Посреди комнаты лежала массивная железная наковальня размером с положенную на бок дверь, вся покрытая металлической пылью. У неё стоял молодой мужчина и шлифовал меч точильным камнем. Волосы были полностью собраны наверх. Левая половина одежды сброшена, верх тела обнажён. Под пшеничной кожей перекачивались крепкие мышцы, будто отлитые из железа. По телу стекали капли пота. Лу Шэн внезапно решил, что в помещении слишком жарко.

Чтобы отвлечься, он начал мысленно оценивать противника: силой, пожалуй, не взять; если полагаться на скорость и технику, шансы примерно равны. Вот только этот человек ещё владел странными мистическими методами — нечестное преимущество.

— Долго ещё будешь смотреть? — насмешливо спросил Се Жун.

Лу Шэн неловко отвёл взгляд.

— Полуголый стоишь — я тебя едва узнал.

Уголок губ Се Жуна приподнялся.

— Если бы мы поменялись местами, я бы тебя узнал.

Он-то уже видел. Лу Шэн, конечно, намёка не понял.

— Ещё бы. Я-то грубый воин. А кто мог подумать, что господин Се, лицом способный поспорить с Пань Анем, без одежды окажется таким... свирепым.

Слова «красивым как цветок» он чудом проглотил. Се Жун лишь хмыкнул, положил точильный камень и протянул ему меч.

— Попробуй.

Лу Шэн сразу принял оружие. Вес, длина, баланс — всё было идеально. Добавить хоть немного — стало бы тяжёлым; отнять — потеряло бы силу; длиннее — неповоротливо, короче — слишком легко. Будто меч изначально делали именно под его руку. Клинок переливался серебром. Лу Шэн рубанул по деревянному манекену. Раздался глухой стук, лезвие вошло примерно на два цуня — ровно настолько, чтобы оружие оставалось грозным, но при случайном ударе не перерубало подозреваемого пополам. Лу Шэн просиял и глубоко поклонился.

— За такую милость я буду благодарен до конца жизни.

Он любовался мечом, словно ребёнок новой игрушкой, осторожно убрал его в ножны и пробормотал:

— Раз уж это прекрасный меч, ему нужно имя. Пусть тоже будет Сюаньху.

Се Жун внимательно посмотрел на него. Лу Шэн ничего не заметил и весело продолжил:

— Яое убивал людей без счёта и всё равно прикрывался «Сюаньху — спасением мира». Только опозорил имя. С сегодняшнего дня мой меч тоже зовётся Сюаньху.

— Звучит неплохо, — спокойно согласился Се Жун.

Получив одобрение, Лу Шэн окончательно развеселился, попрощался и поспешил в лагерь на утренний сбор. Когда рабочий день закончился и бумаги были разобраны, советник Лю почему-то не ушёл, а задумчиво разглядывал Лу Шэна.

— Советник Лю, что-то случилось?

— Смотрю на вас и вижу: сегодня вы отличаетесь от обычного. Но не могу понять чем.

— Чем же?

Старик погладил бороду.

— Взгляд ясен и полон духа, дыхание глубокое и ровное, жизненная сила крепка. Должно быть, произошло что-то хорошее.

Лу Шэн посмотрел на стоящий в стойке Сюаньху и невольно улыбнулся.

— У советника острый глаз.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвался Цзи Чун.

— Брат Лу! У ворот ждёт человек от господина Се. Просит после службы встретиться с ним!

«Вот как. Се Жун только снаружи холоден. Стоило узнать друг друга получше — и уже утром расстались, а к вечеру опять зовёт».

Лу Шэн кашлянул, пряча улыбку рукой.

— Наверное, дело какое-то...

Поясняя это самому себе и окружающим, он снял Сюаньху и поспешил к воротам. Там стояла крытая зелёной тканью карета, по четырём углам висели стеклянные фонари с иероглифом «Се». Но ни кучера, ни слуг рядом Лу Шэн не узнавал. Он остановился и нахмурился.

<http://bllate.org/book/22499/2375508>